

В родильном доме номер три
Рожают втихомолку.
«Терпи, родная. Не ори!
От этого нет толку».

Взовьется голубь: вот и все! —
Над сонной синью окон,
А утром нянька принесет —
Три сто, три двести, три пятьсот —
Тугой душистый кокон.

Тот накричался — ротик сжат,
А этот морщит личико.
Все одинаково лежат
В пеленочках больничных.

...На каждом свертке метка «Р.О.»,
И номерок в придачу.
— «Не плачут мальчишки» — старо!
Мне можно — я поплачу...»

И плачут, плачут, плачут. Плачь,
Мальчишеское племя!
Здесь кто не жертва, тот палач —
Такое наше время.

Так лучше плачьте! В мире мрак
И холод превеликий.
Как в крике вас рожали, так
Рождайте душу в крике!

Когда наплачетесь, уснуть
Совсем легко и сладко,
Головкой к матери на грудь
Приладившись украдкой.

И пахнет медом луговым
В пушке белесом кожа...
Сон безмятежен даруй им,
Все ведающий Боже, —
Посапывающим, живым,
На ангелов похожим...

2

Мамашки в палате:
— Сплошное насилие!
— Жить страшно...
— Слыхали, девчонки, про Сирию?
— Читали.
— Слыхали.
— Несчастный народ...
— Закрой Интернет — молоко пропадет.

Присели, чуть-чуть помолчали,
Младенцев своих покачали,
И снова:
— Две девочки,
Девять ребят!
— Мальчишки родятся к войне, говорят.

3

Над Сирией ли,
Над Россией ли...
Лишь ведомо Матери с Сыном, и
Отцу, что всегда незрим,
Зачем нам казаться сильными.
Зачем нас касаться крыльями,
Раз мы уже не летим.

Обманутые обманщики,
Простые русские мальчики,
Как водится, ни при чем.
Росли бы себе, крепчали бы,
Детей на руках качали бы,
Полсвета держа плечом.

И строили бы. И пели бы.
И небу в глаза смотрели бы,
Чтоб в них отразился Бог.
Любили бы то, что дадено,
Простые дела бы ладили,
И каждый бы шел, как мог.

А мир — золотое крошево.
Не жди ничего хорошего
От кесарей всех времен.
Пока ты качаешь братиков,
Они играют в солдатиков.
Сломаешься — выйди вон!

4

Много места в небе,
Но и на земле бы им
Пригодиться где бы,
И куда бы деться?
Может, их и не было —
Тех младенцев?

Четырнадцать тысяч?
Шестидесяти четырех?
Которым из Иродов
высечен
Рубец на шкуре эпох?

Сколько их, убиенных
Неповторимых вселенных,
Двух лет или двадцати
За спинкой каждого трона?
В каждом доме спроси,
Да попробуй — сочти
Материнские стоны.

5

Божия коровка, улети на небо.
Там твои детки
кушают конфетки!

— Я увидеть деток
Так давно хотела!
Сорвалась бы с веток —
Да и полетела!

Знать бы, что такое
Там, за синей бездной.
Их у меня двое
На лужку небесном.

— Так лети, коровка!
— Не могу, родная.
На зеленой ветке
Тоже ведь нужна я.

Там на двух листочках,
Далеко от неба,

Ждут сынок и дочка
Молока и хлеба.

— Счастье, знать, большое!
— Больше и не надо!
Двое там, да двое
Тут, со мною рядом.

Я детей питаю
Песнями да хлебом,
Целый день летаю
Меж землей и небом.

6

А если проще говорить, то дело сделано.
Все краски смешаны: ни черного, ни белого.
Мы стали серыми — универсальный цвет,
Мы продаем: глаза, улыбку, ногти, волосы,
Любовь и память, вдохновенье, право голоса
И даже то, чему пока названья нет.

А если проще говорить, то мы не пленники:
Мы даже ждем, когда на нас повесят ценники
И мы на час или на два опередим
Того парнишку, не успевшего опомниться,
И ту девчонку, растетеху-дуру-скромницу,
Чей жесткий диск еще и чист, и невредим.

Ломать систему — нет огня: сама сломается.
Не «за», не «против» — так в аду, наверно, маются:
«Ты только смирененько, мой миленький, лежи.
Смотри какие-нибудь фильмы, слушай песенки,
Закрой окошки, не ходи гулять на лесенки,
А хочешь, пиццу или суши закажи.

Душа — игрушка, ты продай ее задешево...»
Нас убаюкивают — мы-то и радешеньки.
Нам отоспаться бы за сто последних лет.
Мы крепко спим, слезою женскою политые,
Тут, под снегами, под крестами и под плитами —
А слезы высохнут — до нас и дела нет.

7

Так тяжело вас рожали,
Так вы непросто росли,
Чтобы теперь вот лежали
Средь незнакомой земли?

Сколько прочитано книжек:
— Сильным и смелым расти!

Самых хороших мальчишек
Не удержать взаперти.

Первые ласточки в стае,
Несшие весть о весне,
Пали в Афганистане,
В Боснии или в Чечне.

Зовам далеким не внемля,
Словно отпущенный грех,
Крыльями обняли землю,
Угомонившую всех.

8

Как лежали они
Двадцать лет назад,
Так теперь недвижно рядышком
Лежат.

Скоро всем лежать
Лицом на восток,
В пальцах скрюченных держать
Номерок.

Только ветер шевельнет
Прядь волос,
Чтобы мальчикам спокойно
Спалось.

Словно кто-то в лоб идет
Целовать,
Кто-то песню им поет,
Но не мать.

...Поцелуй твой не был нежен,
Смертный херувим.
Мирен сон и безмятежен
Даруй им.